
Я НЕ
ПУГАЛО!,
- А - КАПИТАН
СРИП!

Константин Семенов

Как Пугало училось быть кораблём

https://litres.ru/74747469
SelfPub; 2026

Аннотация

Как самое простое и привычное может однажды стать чем-то большим. На краю земли, где заводская труба поднимается над дюнами, а море дышит ровно и глубоко, на капище стоит старое Пугало. Оно давно уже не пугает ворон: птицы садятся ему на плечо и что-то рассказывают, а Пугало слушает, потому что больше у него ничего нет.

Но однажды приходит ветер — ровный, огромный, будто море решило ответить на годы молчания. Пугало отрывается от земли и плывёт, становясь настоящим кораблём. И дети на берегу понимают: если берег может отпустить Пугало, он должен уметь держать всё остальное сам. Но это был только сон, - а что было на самом деле, Вам предстоит узнать. Это книга о взрослении, о береге, который учится стоять без подпорок, и о том, что предназначение не выбирают — оно приходит вместе с ветром. Тонкая, поэтичная проза, в которой индустриальный пейзаж соседствует с тихой магией, а простые слова говорят

о самом важном. Для тех, кто любит тихие истории, где чудо прячется в обыденном.

Константин Семенов
Как Пугало училось быть кораблём

Пролог…

«Честный не прячется, ищущий, не боится быть вторым — если шёл своей дорогой, а последний, - всегда видит, куда идут остальные...»

На краю земли, где заводская труба поднималась над дюнами, а море дышало ровно и глубоко, на старом Капище стояло Пугало. Старый выцветший пиджак, соломенные руки, деревянный шест на ржавом изголовье. К этому времени оно давно уже не пугало ворон — вороны садились ему на плечо и что-то ему рассказывали, и Пугало слушало, потому что больше у него ничего не было. Зато Пугало умело смотреть на море. Оно смотрело так, как не умел никто: часами, без устали, не отворачиваясь.

Мира, когда приходила поливать цветы, говорила, что Пугало смотрит на горизонт, как капитан на свой корабль. Томи ворчал, что глупо смотреть на корабль, когда ты воткнут в землю. Лар молчал. А Тиль однажды тихо шепнул: — Оно не смотрит на корабль. Оно помнит, что когда-то само было мачтой.

И вот однажды пришёл ветер. Не злой — а огромный, ров-

ный, как будто море решило наконец ответить на годы молчания. Он качнул шест, потянул рукава, и старый пиджак вдруг поймал ветер — как парус. Шест вырвало из земли. Пугало качнулось, шагнуло — и покатилось по песку к воде. Дети бежали за ним, кричали, протягивали руки, но ветер был сильнее. И это было правильным. Пугало коснулось воды. Пиджак надулся. И оно поплыло — коряво, медленно, но поплыло. Впервые в жизни оно не притворялось, что оно для чего-то нужно. Оно действительно было для чего-то нужно: оно было Кораблём. Дети стояли на берегу и смотрели, как оно уменьшается на горизонте. Мира заплакала. Томи отвернулся. Лар сжал кулаки и не разжал их, пока Пугало не скрылось за дымкой. А Клюва — ворона с чёрным, как смоль, оперением, которая жила на Сводной доске и всегда начинала свои речи со слова «Кар» — долго молчала. Потом каркнула: — Кар. Оно не упало. Оно отплыло. Запомните это. И дети запомнили.

В тот вечер они поняли вещь, от которой потом родилась вся их наука о береге: если берег может отпустить Пугало — берег должен уметь держать всё остальное сам. Без пиджака на шесте, без удачи, без везения. Сам.

Так началась эта история.

А когда Пугало проснулось, оказалось, что сон не ушёл, а стал памятью. Памятью о том, чего ещё не было, но обязательно будет. На плече у него сидела Клюва. — Кар, — сказала она. — Ты помнишь? Пугало помнило. Оно помнило

вкус ветра, тяжесть воды, дрожь песка под собой. Оно помнило, каково это — быть не тем, кем тебя сделали, а тем, кем ты стал. Море дышало ровно и глубоко. Труба завода чернела на фоне неба, как мачта, ждущая паруса.

И Пугало знало: однажды ветер снова придёт. И на этот раз он не будет сном.

«Как Пугало училось быть кораблём»

На окраине столицы раскинулось Капище — унылое, серое место, где в ряд застыли пугала. Ветер гулял между ними, шурша мешковиной и позвякивая ржавыми железками, будто торопил: «Уходи отсюда, тут нечего делать». Люди обходили Капище стороной, только по особым дням приходили с мисками и плошками — оставляли еду: считалось, что её будут есть умершие. А потому над Капищем всегда кружили вороны — терпеливые, деловитые. Они садились на плечи пугал, будто проверяли, кто тут ещё годится хоть на что-то.

Среди пугал стояло Пугало по имени Скрип: набитое соломой, с мешковиной вместо лица и ржавым флюгером на макушке. В отличие от остальных, он не хотел просто стоять и пугать пустоту. Скрип мечтал стать чем-то важным — не частью унылого пейзажа, а настоящим кораблём, который служит стране.

Каждое утро над Капищем разносился голос Наставника — старого, скрипучего, как несмазанные мачты: «Корабль

начинается с умения держать ветер!» Ученики повторяли за ним странные слова: «киль», «рангоут», «штурвал». Скрип старательно запоминал, хотя пока не понимал, как эти слова могут вырасти из его соломенной сути.

А вороны будто знали, что Скрип хочет большего.

— Кар! — каркала старая ворона по имени Клюва, усаживаясь ему на флюгер. — Ты слишком прямо стоишь. Корабль не стоит — он живёт в движении. Наклонись чуть-чуть, будто ветер уже тянет.

Скрип осторожно наклонился, и флюгер тихонько звякнул.

— Кар-кар! — подхватывали молодые вороны, кружа над ним. — Смотри, как тени бегут! Тень — это след, который ты оставляешь. Хороший корабль всегда оставляет правильный след!

И Скрип начал замечать то, чего раньше не видел: как тени от флюгеров ложатся на землю, будто линии на морских картах; как ветер шевелит солому, и это похоже на шёпот парусов; как ржавые железки позвякивают в такт далёким волнам.

Дни шли. Пугало училось слушать ветер, различать его шёпот в скрипе досок и шорохе соломы. Оно училось стоять твёрдо, как корабль на якоре, и поворачиваться туда, куда звал горизонт. Однажды ночью ветер принёс запах моря и грохот волн — и Скрип вдруг понял: чтобы стать кораблём, нужно не менять форму, а наполнить её смыслом.

На рассвете Скрип первым заметил, как тени от флюгеров складываются в узор, похожий на курс. Он закричал, указывая на линии:

— Это курс! Мы можем вести других!

Наставник улыбнулся:

— Вот и первый штурманский навык.

К полудню над Капищем поднялся флаг — не пугальный, а корабельный. Скрип получил имя «Парус Надежды» и приказ выйти в дозор. Когда он покидал Капище, остальные пугала провожали его взглядами мешковинных глаз — и каждый шептал про себя: «Если Скрип смог, смогу и я».

А старая ворона Клюва взмахнула крыльями, села Скрипу на плечо и хрипло прокаркала:

— Держи ветер. И не забывай: даже самый большой корабль когда-то был просто тенью на земле.

И Скрип кивнул — будто услышал самый важный совет из всех.

Садилось уже солнце, и Скрип с Клювой подходили к большим железным воротам. Тени от зубцов крепостной стены ложились на брусчатку длинными чёрными клинками, будто предупреждали: «Дальше — другой мир». Скрип невольно приостановился, вглядываясь в тяжёлые створки: на них были вычеканены корабли — не такие, как он теперь мечтал стать, а гордые, с высокими бортами и резными носами. Ему вдруг показалось, что эти корабли смотрят на него сверху вниз — и немного смеются.

— Кар! — коротко сказала Клюва, усаживаясь на ржавый крюк рядом с воротами. — Не стой столбом. Ты ведь уже не пугало. Ты — «Парус Надежды». Пусть они это видят.

Скрип глубоко вздохнул — насколько позволяла соломенная набивка — и постучал железным кольцом. Звук раскатился по улице, и из-за стены донёсся торопливый топот. Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы в щель выглянул стражник в стёганом камзоле. Он уставился на Скрипа, потом на ворону, потом снова на Скрипа — и глаза у него стали круглыми, как медные пуговицы.

— Это… это же пугало с Капища! — выдохнул он, но не успел отпрянуть: из-за его спины высунулась ещё одна голова, потом третья, и вот уже целая толпа горожан высыпала к воротам.

Кто-то ахнул и попятился, закрывая собой ребёнка. Кто-то, наоборот, шагнул вперёд, не веря глазам. А старуха в тёмном платке вдруг тихо заплакала и прошептала:

— Да ведь это Скрип… Я каждый год приносила ему краюшку. Говорила: «Держись, ты тут не один». А теперь он… он живой!

Скрип неловко переступил с ноги на ногу — верёвочные узлы на его «лодыжках» скрипнули.

— Я… я не совсем живой, — пробормотал он. — Но я хочу быть полезным. Хочу стать настоящим кораблём.

Толпа зашепталась. И тут сквозь людское море пробились трое в тёмно-синих плащах с серебряными застёжками

в форме якорей. Это и были те самые образованные Рыцари, о которых говорили в городе. Впереди шла женщина с сединой на висках и твёрдым взглядом — Израна.

Она остановилась перед Скрипом, чуть склонила голову, будто взвешивая его не по весу, а по смыслу.

— Ты пришёл учиться, — не спросила, а утвердила она. — Это самое важное. Потому что даже самый быстрый корабль бесполезен, если не знает, куда плыть.

Скрип кивнул так энергично, что флюгер на его макушке тихонько звякнул.

— Да! Я готов учиться. Грамоте, математике, черчению… всему, что нужно кораблю.

Израна чуть улыбнулась — едва заметно, но в этой улыбке было больше тепла, чем в полуденном солнце.

— Тогда идём. Корабельная мастерская не ждёт заката. Там уже готовят для тебя доску и мел, а наставник по математике ворчит, что ему придётся объяснять дроби тому, кто сделан из соломы. Но я сказала: если пугало сумело уйти с Капища, оно сумеет и дроби одолеть.

Стражник наконец распахнул ворота, и Скрип шагнул внутрь. Толпа расступилась, и в этом молчании было уже не столько изумление, сколько уважение. Кто-то тихо прошептал: «Он даёт нам надежду».

Клюва вспорхнула и села Скрипу на плечо.

— Кар, — сказала она уже не наставнически, а по-дружески. — Держи спину ровно. И не пугайся мела. Он не страш-

нее дождя.

В мастерской пахло смолой, воском и свежей стружкой. У большого окна стоял длинный стол, а над ним висела карта мира — с волнистыми линиями течений и крошечными значками портов. На краю стола лежала новенькая тетрадь, а рядом — карандаш, заточенный так остро, будто собирался чертить не линии, а судьбы.

Наставник, суровый мужчина с руками, покрытыми мозолями и чернилами, посмотрел на Скрипа и хмыкнул:

— Ну что ж. Начнём с простого. Скажи мне: если у корабля есть два паруса, а шторм рвёт один, сколько остаётся?

Скрип на секунду задумался, потом выпрямил плечи и ответил твёрдо:

— Один. Но этого хватит, чтобы дойти до берега, если знать курс.

Наставник чуть приподнял бровь — и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ладно, — буркнул он. — Похоже, ты уже знаешь самую важную морскую арифметику. Садись. Будем учиться дальше.

И Скрип сел — впервые в жизни не чтобы стоять неподвижно, а чтобы двигаться вперёд.

Скрип сидел за длинным столом в корабельной мастерской, склонившись над листом бумаги так низко, что флюгер на его макушке едва не царапал чернила. Перед ним лежала первая буква — «А». Простая, угловатая, а казалась ему це-

лой конструкцией: будто кто-то взял два наклонных каната, натянул их, а сверху перекинул перекладину — ровно как на передней мачте.

— Это не просто знак, — бормотал наставник, постукивая пальцем по бумаге. — Это команда. Буква. Из них складываются слова, из слов — приказы. А приказы ведут корабли.

Скрип кивнул, но в голове у него всё равно звучало по-своему: «Это узел. Крепкий, но если потянуть за нужную нить — он распустится в целое слово».

Он взял карандаш — тот был непривычно тонкий, будто игла для штопки парусов, — и попробовал повторить букву. Линии выходили дрожащими, верёвочные узлы на руках не привыкли к такой точности.

— Не спеши, — сказала Клюва, сидя на краю чернильницы. — Кар! Ты ведь не шторм укрощаешь. Это не канат, который надо держать мёртвой хваткой.

Скрип чуть ослабил пальцы и снова провёл линию. На этот раз она легла ровнее.

Наставник хмыкнул — не сердито, а скорее одобрительно:

— Уже лучше. Теперь давай слог. «МА». Два узла рядом. Первый — мачта, второй — мешок с мукой, что висит на крюке. Вместе — команда: «Ма!» — как окрик вперёдсмотрящего.

И тут Скрипу вдруг стало понятно. Буквы перестали быть непонятными значками. Они стали сигналами. «М» — это натянутый трос, «А» — перекладина, «Р» — изогнутый рум-

пель, «О» — штурвал, идеально круглый, как солнце над морем.

— «МОРЕ», — прошептал он, выводя буквы медленно, будто прокладывая курс по карте. — М… О… Р… Е… Это не просто слово. Это приказ ветру.

Наставник замер, глядя на его тетрадь. Потом тихо улыбнулся:

— Вот оно. Ты не читаешь буквы. Ты читаешь их смысл. Для корабля это важнее всего.

Клюва взмахнула крыльями и села Скрипу на плечо:

— Кар! Видишь? Даже ворона знает: главное — не форма, а куда она ведёт.

Дни шли, и Скрип учился видеть в каждом слове морскую команду. «ПАРУС» для него был не набором букв, а целой картиной: «П» — натяжение полотна, «А» — угол, под которым ветер бьёт в ткань, «Р» — рывок, когда судно срывается вперёд, «У» — упор киля в воду, «С» — свист ветра в снастях.

А слова… Слова становились для него строками приказа. «Вперёд!» — это не просто два слога, это команда рулевому и крик вперёдсмотрящему. «Стой!» — резкий узел, который останавливает весь корабль.

Однажды Израна зашла в мастерскую и остановилась у его стола. Скрип как раз выводил длинное слово: «НАВИГАЦИЯ».

— Ты пишешь его так, будто чертишь карту, — заметила

она.

— Потому что так и есть, — ответил Скрип, не поднимая головы. — Каждая буква — это поворот, течение, маяк. Если хоть одну поставить не туда — собьёшься с курса.

Израна посмотрела на него долго, а потом сказала тихо, чтобы не спугнуть эту новую уверенность:

— Знаешь, в море бывает так: самый крепкий корабль не спасёт, если на нём нет того, кто видит путь. Ты учишься не просто буквам. Ты учишься держать курс в голове.

Скрип улыбнулся — мешковинное лицо едва могло передать улыбку, но глаза-пуговицы засветились.

— Тогда я буду учиться ещё усерднее. Потому что «курс» — это тоже слово. И я хочу его понимать до последней буквы.

Скрип склонился над чертежом так низко, что флюгер на макушке чуть не царапнул бумагу. Перед ним лежала схема простейшего парусного узла — наставник велел перенести её в тетрадь, чтобы «рука запомнила линии, как матрос запоминает канаты». Скрип аккуратно провёл первую линию — ровную, как натянутый трос.

— Вот так, — пробормотал он себе под нос. — Сначала один край, потом второй… как будто вяжешь надёжную петлю.

Клюва, сидевшая на краю рейсшины, наклонила голову, разглядывая лист.

— Кар! — сказала она с видом эксперта. — Слишком тон-

ко. В море всё должно быть видно издалека. Надо жирнее!

— Но наставник сказал — точность важнее всего, — возразил Скрип, не отрываясь от карандаша.

— Точность — это когда птица видит, куда садиться! — парировала Клюва и, не дожидаясь ответа, шагнула по листу.

На бумаге остались четыре чётких следа от когтей — будто кто-то торопливо набросал маленькие якоря.

Скрип замер.

— Клюва! — прошептал он. — Это же чертёж!

— А что? — невозмутимо ответила ворона, поправляя крыло. — Теперь тут есть отметки. Контрольные точки. Очень по-морскому.

Наставник, подойдя сзади, уставился на лист. Его брови медленно поползли вверх.

— Это… что? — спросил он строго.

Скрип зажмурился, будто надеялся, что следы исчезнут.

— Это, э-э… дополнительные узлы, — пролепетал он. — Для прочности…

Наставник фыркнул — и вдруг расхохотался, коротко и хрипло, как корабельная сирена.

— Дополнительные узлы, значит… Ладно. Пусть будут. Но скажи своей помощнице, что когти — не циркуль. И не рейсшина.

Клюва гордо вскинула голову.

— Кар! Я не помощница. Я консультант по ветрам и приземлениям.

— Тогда консультируй с потолка, — буркнул наставник, но в глазах у него плясали смешинки. — А ты, Скрип, возьми новый лист. И на этот раз держи ворону подальше от бумаги.

Скрип кивнул, стараясь не улыбаться. А про себя подумал: «Может, эти следы и правда похожи на якоря… Только очень торопливые».

Он взял чистый лист, положил рейсшину ровно и начал заново. Клюва уселась на балку под потолком и оттуда давала советы:

— Не дави! Карандаш — не канат, его не надо душить!

Скрип хихикнул, ослабил хватку — и линия легла ровно, уверенно, будто сама знала, куда идти.

Когда он закончил, наставник наклонился, присмотрелся и кивнул:

— Теперь похоже на чертёж. А не на карту вороньих прогулок.

А Клюва, сидя наверху, тихо прокаркала:

— Всё равно мои якоря были лучше. Но ладно. Пусть будет твой вариант.

И Скрип понял: учиться — это не только про ровные линии. Это ещё и про то, чтобы рядом был кто-то, кто даже своими следами напоминает — ты не один, и путь можно пройти вместе.

Скрип сидел над чистым листком, прикусив (ну, насколько это возможно для пугала) уголок мешковины. Перед ним лежала стопка исписанных страниц — все забракованные: то

линия уходила вбок, будто её тянул шторм, то буквы расползались, как размоченные канаты. А ему нужно было самое простое — короткое сообщение для тех, кто остался на Капище.

Он уже придумал слова: «Не стойте. Уходите. Здесь начинается путь». Но как только он пытался перенести их на бумагу, буквы будто нарочно путались местами, словно хотели остаться на месте, а не лететь к тем, кто их ждёт.

Клюва сидела на спинке стула и наблюдала, стараясь не топтать чертежи.

— Кар! — сказала она негромко. — Не смотри на слово. Смотри на команду. Как будто это приказ рулевому.

Скрип кивнул. И начал медленно, по одной букве:

«Н-е…» — вывел он. Аккуратно, как будто завязывал надёжный узел.

«С-т-о…» — дальше пошло чуть быстрее.

А вот на слове «уходите» он запнулся. Рука дрогнула, и вместо «У» получилась странная загогулина — будто кто-то намотал канат на крюк и забыл его закрепить.

— Не то, — пробормотал Скрип, стирая ластиком. — Совсем не то.

И тут он вдруг увидел: эта кривая линия похожа на «П». И он, не подумав, быстро дописал: «Походите». Получилось: «Не стойте. Походите. Здесь начинается путь».

Скрип довольно выдохнул и сложил листок.

— Готово! — прошептал он. — Теперь они поймут.

Наставник как раз проходил мимо, глянул на записку и замер.

— «Походите»? — переспросил он, приподняв бровь. — Ты хочешь, чтобы они просто… ходили туда-сюда?

— Ну… да, — неуверенно ответил Скрип. — Чтобы не стояли. Чтобы двигались. Ведь движение — это и есть начало пути, верно?

Наставник помолчал, потом хмыкнул:

— В этом есть своя морская логика. Но представь, что эту записку прочитает кто-то, кто боится перемен. Он подумает: «Ну, ладно, похожу вокруг своего места. Так и сделаю». И останется на Капище навсегда.

Скрип побледнел — насколько может побледнеть мешковина.

— То есть… я всё испортил? — прошептал он.

— Ты почти всё испортил, — спокойно сказал наставник. — Но это и есть учёба. Ошибка — это когда ты не заметил, куда ведёт линия. А ты заметил. Значит, можешь её исправить.

Скрип снова развернул листок. Пальцы его дрожали, но он не сдался. Он стёр «П», вывел ровное, круглое «У» — как штурвал, который держит курс. И снова прочитал:

«Не стойте. Уходите. Здесь начинается путь».

Теперь слова звучали как приказ, как гудок сигнальной

трубы, как скрип палубы под ногами матроса, который впервые выходит в море.

Израна, заглянувшая в мастерскую, тихо улыбнулась:

— Хорошо написано. В этих словах — не просто просьба. В них — надежда.

Скрип поднял глаза:

— А если они не поймут? Если подумают, что это шутка?

— Тогда ты напишешь ещё раз, — сказала Израна. — И ещё. Пока не поймут. Потому что иногда одно слово стоит сотни криков. Особенно если оно написано от души.

Клюва, до этого молчавшая, слетела на край стола и осторожно клюнула уголок листка — совсем легонько, будто поставила свою подпись.

— Кар, — сказала она серьёзно. — Пусть летит.

И Скрип аккуратно свернул записку, перевязал её тонкой бечёвкой — так, как матросы перевязывают важные письма, чтобы те не разлетелись в шторм. Он знал: даже одна перепутанная буква может всё изменить. Но теперь он знал и другое — что можно всё исправить, если не бояться переписать заново.

В мастерской было тихо — только потрескивали дрова в печи да шуршали страницы старых книг. На длинном столе лежала карта, от которой веяло тайной: чернила поблекли, края потемнели от времени, а линии течений сплетались в странный узор, будто кто-то нарочно запутывал путь. Рядом хмурился главный штурман — седой, с руками, покрытыми

шрамами и чернилами.

— Здесь не хватает меток, — бормотал он, постукивая пальцем по пергаменту. — Течение обозначено, а где поворот — непонятно. И эти буквы… будто писались в шторм.

Израна стояла рядом, сжав губы:

— Это карта старого маршрута к Островам Ветров. Если мы не расшифруем её сегодня, караван пойдёт вслепую. А в тех водах шторма не ждут.

Скрип замер у края стола. Он не смел тянуться к карте — но буквы на ней будто сами прыгнули ему в глаза. Не как слова, а как узлы. Как команды. Как следы ветра.

— А можно… я посмотрю? — тихо спросил он.

Штурман фыркнул:

— Ты ещё буквы по слогам читаешь. Что ты тут увидишь?

— Он видит иначе, — спокойно сказала Израна. — Дай ему минуту.

Скрип наклонился. И вдруг понял: эти кривые линии — не ошибки. Это не небрежность. Это язык шторма.

Он провёл пальцем по одной букве — не касаясь, просто повторяя её изгиб в воздухе.

— Вот эта… «Р», — прошептал он. — Она не просто буква. Она как рывок руля. Когда волна бьёт в борт, штурвал дёргается именно так.

И тут он заметил: в углу карты, почти стёртый, был маленький знак — завиток, похожий на «С», но слишком округлый. Скрип прищурился.

— Это не «С», — сказал он. — Это… свист ветра. Как в снастях. Такой звук бывает, когда ветер идёт ровно, без порывов. Значит, здесь — спокойный проход.

Штурман наклонился, вглядываясь.

— Свист ветра… — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Ты серьёзно?

— Да, — кивнул Скрип. — А вот эта линия… она похожа на «У». Но не как слово. Как упор. Как киль, который держит корабль, когда всё вокруг качается. Значит, тут нужно держаться ровно, не сворачивать.

Он потянулся и аккуратно, едва касаясь, обвёл несколько знаков — не стирая, а словно подсвечивая их своим пониманием.

— Смотрите, — тихо сказал он. — Если читать эти буквы не как слова, а как команды… то получается маршрут. «Держи курс… не сворачивай… жди свиста ветра… тогда поворот». Это не карта течений. Это инструкция. Для того, кто умеет слышать море.

В комнате стало тихо. Даже печь будто перестала трещать.

Штурман медленно кивнул.

— Инструкция… — повторил он. — Старый штурман, что рисовал эту карту, был глуховат. Говорили, он больше слушал руками — как дрожит палуба. И писал не для глаз, а для памяти тела.

Израна улыбнулась — не широко, а так, будто в темноте зажгли маленький фонарь.

— Значит, Скрип её и прочитал. Потому что он тоже не видит мир как все.

Штурман хмыкнул, но в этом звуке уже не было насмешки.

— Ладно. Будем считать, что это приказ от старого штурмана. Держим курс по его командам. И… спасибо, пугало. Ты оказался полезнее, чем я думал.

Скрип чуть не подпрыгнул от гордости — только флюгер на макушке звякнул.

А Клюва, сидевшая на балке, наклонила голову и прокаркала:

— Кар! Я же говорила: главное — не форма, а куда она ведёт.

С этого дня в мастерской к старым картам стали относиться иначе. И если что-то было стёрто или неразборчиво, кто-нибудь обязательно говорил: «Надо позвать Скрипа. Пусть прочитает по-своему».

Сначала горожане смотрели на Скрипа так, будто он — оживший ночной кошмар. Когда он впервые прошёл по главной улице рядом с Израной, разговоры стихали, дети прятались за юбки матерей, а лавочник у рыбного ряда так резко задвинул ставни, что чуть не прищемил себе пальцы.

— Пугало… по городу ходит, — шептали в переулках. — К беде.

Но потом начали замечать другое.

Скрип не шатался без дела. Он шёл ровно, будто держал

невидимый штурвал. На его мешковинном лице не было злобы — только сосредоточенность, как у того, кто боится пропустить важный сигнал ветра. А ещё он всё время что-то бормотал себе под нос — не заклинания, а команды: «Держи курс», «Не торопись», «Проверь узел». И люди, сами того не замечая, начинали прислушиваться.

Однажды утром у колодца собралась толпа: вода шла тонкой струйкой, а ведро никак не удавалось зацепить крюком. Все суетились, толкались, кто-то уже кричал, что надо звать мастера. И тут подошёл Скрип.

Он не стал расталкивать людей. Просто встал, посмотрел на верёвку, на крюк, на изгиб дуги колодца — и тихо сказал:

— Тут узел неправильный. Он сам себя душит. Надо распустить и перевязать.

И показал как: медленно, чётко, будто каждое движение было ему знакомо с детства — хотя никакого детства у него не было.

Лавочник, тот самый, что закрывал ставни, вдруг шагнул ближе.

— Покажи ещё раз, — буркнул он. — У меня на тележке верёвка всё время путается…

Скрип показал. И лавочник кивнул, уже не от страха, а от уважения.

С этого дня Скрипа стали звать не «пугалом», а «тем, кто знает узлы».

Потом случился шторм. Не морской, а городской: ветер

рвал вывески, сносил корзины с овощами, а на углу улицы сорвало крышу с сарая — и она повисла на балках, готовая рухнуть на прохожих. Люди замерли, не зная, что делать.

А Скрип посмотрел на стропы, на то, как натянулись канаты, и крикнул:

— Не тяните! Сначала ослабьте вот этот узел — иначе всё рухнет!

Он говорил так уверенно, будто всю жизнь только этим и занимался — спасал город от шторма. И когда крышу аккуратно спустили, толпа выдохнула. А мальчишка, который раньше прятался за матерью, теперь подбежал к Скрипу и спросил:

— А ты научишь меня так же видеть узлы?

Скрип кивнул, и в этот момент в глазах горожан что-то щёлкнуло. Страх ушёл. Осталась гордость.

На следующий день, когда Скрип шёл к мастерской, старуха, которая раньше крестилась при его виде, протянула ему тёплый пирог:

— Держи. Ты теперь наш городской штурман. Пусть руки не мёрзнут.

Скрип осторожно взял пирог — так, будто это был самый важный груз на свете.

В мастерской Израна улыбнулась, глядя на эту сцену из окна.

— Видишь? — тихо сказала она. — Город сначала боится того, чего не понимает. А потом, когда видит, как это «непо-

нятное» спасает, начинает гордиться.

Скрип посмотрел на пирог, потом на улицу, где люди уже не шарахались, а кивали ему, и тихо ответил:

— Я просто стараюсь быть полезным. Как настоящий корабль.

Клюва, сидевшая у него на плече, важно кивнула:

— Кар! А я говорила: даже пугало может стать маяком. Главное — чтобы свет был.

К концу недели на дверях мастерской кто-то прибил маленькую табличку: «Здесь учат держать курс». И под ней — крошечный рисунок: флюгер, похожий на тот, что был у Скрипа.

Горожане всё ещё иногда вздрагивали, когда ветер звенел железом на его макушке. Но теперь это был не страх. Это было напоминание: «У нас есть тот, кто видит путь».

В мастерской пахло смолой, горячим деревом и свежей стружкой. Скрип сидел над новым чертежом — на этот раз он рисовал схему крепления вант для учебного макета корабля. Карандаш в его верёвочных пальцах уже не дрожал так сильно, а линии ложились ровно, будто сами знали, куда идти.

А Клюва, как и положено «консультанту по ветрам и приземлениям», устроилась на балке под потолком и время от времени комментировала:

— Кар! Не тяни линию, будто канат наматываешь. Пусть она дышит!

Скрип только кивал и старался не улыбаться. Он уже знал: спорить с Клювой — всё равно что спорить с ветром.

Он как раз дорисовывал последние детали, когда к столу подошёл старый корабельный мастер по имени Борх. У него были руки, похожие на корабельные доски — твёрдые, в шрамах и мозолях, и взгляд такой, будто он видит не бумагу, а настоящий шторм.

Борх наклонился, прищурился, разглядывая чертёж… и вдруг замер, уставившись на четыре маленьких следа от когтей — те самые «вороньи якоря», которые Клюва оставила в прошлый раз. Они так и остались на краю листа — Скрип не стал их стирать: они казались ему чем-то вроде подписи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.